

Леонид Филатов

Свобода или смерть

*Часть сборника
Сукины дети (сборник)*

Леонид Алексеевич Филатов

Свобода или смерть

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123023
Сукины дети. /Леонид Филатов.: АСТ: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-17-071803-0, 978-5-271-32788-9

Аннотация

Тонкому, ироничному перу Леонида Филатова подвластны любые литературные жанры: жесткая проза и фарс, искрометные пародии и яркие лубочные сказки.

Его повесть «Свобода или смерть» рассказывает о судьбе уехавшего на Запад советского интеллигента Толика Парамонова, являющегося едва ли не символом поколения «семидесятников». Автор чутко уловил характерную для наших эмигрантов парадоксальность поведения: отчаянные борцы с брежневским режимом у себя на Родине, за границей они неожиданно становились рьяными защитниками коммунистических идеалов...

Содержание

Свобода или смерть	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Леонид Алексеевич Филатов

Свобода или смерть

Свобода или смерть

...Толик шел бесконечными лестницами и коридорами, которым, казалось, никогда не будет конца. Точнее, его вели. Не под конвоем, разумеется, – сопровождающий был в штатском, – но все равно вели, и это повергало Толика в состояние тоскливой прострации.

Изнутри «грозная» контора выглядела довольно безобидно и вполне могла бы сойти за какое-нибудь министерство или главк, если бы не этот безмолвный сопровождающий с индифферентным лицом и не эти металлические сетки в лестничных пролетах...

* * *

...Доброжелательный следователь вот уже час водил отупевшего Толика по кругу одних и тех же вопросов, от которых свербило в желудке и раскалывалась голова...

– Скажите, а кому принадлежит идея выпустить самиздатовский журнал «За проволокой»?

– Вы обещали задавать такие вопросы, на которые я мог бы ответить односложно – «да» или «нет»!..

– Хорошо, я поставлю вопрос иначе. Инициатором этого издания был Евпатий Воронцов?

– Не знаю...

– Глупо. Вы не можете не знать. Вы же были одним из авторов журнала. Итак, Евпатий Воронцов?..

– Ну допустим...

– Такой ответ может иметь широкое толкование. Давайте конкретнее. Да или нет?..

– Ну да...

– Значит, Евпатий Воронцов. А кто еще входил в состав редколлегии?..

– Я же предупредил, развернутых показаний я давать не буду!..

– Вы ведь, кажется, отказник?.. Три года пытаетесь выехать за рубеж на постоянное место жительства?..

– Ну и что?..

– Ничего. Просто личное любопытство. Итак, вы не желаете назвать имена членов редколлегии?..

– Не желаю!..

– Тогда я сам назову. А вы только засвидетельствуете – ошибаюсь я или нет. Аглая Воронцова?..

– Н-нет...

– Подумайте как следует. Ложные показания могут обернуться против вас. Я же веду протокол. Итак, Аглая Воронцова?..

– Ну предположим...

– Ваши предположения меня не интересуют. Мне нужен исчерпывающий ответ. Принимала ли Аглая Воронцова участие в создании журнала?..

– Ну да...

– Игорь Федоренко?..

– Да.

– Лариса Федоренко?..

– Да...

Расплылось и исчезло лицо следователя... Обмякла и обесформилась комната... Стусеивался заоконный пейзаж... Толик снова шел бесконечными коридорами в сопровождении анонимного паренька с незапоминающимся лицом. Он не слышал хлопанья дверей, треска пишущих машинок, не слышал даже стука собственных каблучков. Все шумы исчезли. В гулких коридорах метался только его собственный голос, искаженный до неузнаваемости, точно записанный на магнитофонную пленку и размноженный тысячью динамиков: «Да... Да... Да... Да... Да...»

Титр:

«СВОБОДА ИЛИ СМЕРТЬ»

...Толик влетел в квартиру встревоженный и расхристанный; воротник плаща заправлен внутрь, конец шарфа волочится по полу... Из кухни выглянули две пожилые соседки – Эмма Григорьевна и Зинаида Михайловна. Молодая соседка Нина, разговаривавшая в коридоре по телефону, вжалась в стену. Не обращая внимания на любопытствующих, Толик стремительно проскочил к себе в комнату...

Тетя Вера, конечно же, была дома. Толик знал, как она провела эти шесть мучительных часов в ожидании его возвращения – бесцельно слонялась из угла в угол и смолила одну папиросу за другой: в огромной пепельнице топорщилась целая гора окурков...

– Теть Вер!.. – Толик беспорядочно метался по комнате, по несколько раз заглядывая в одни и те же места. – Где у нас чемодан?.. Ну этот здоровый, рыжий?.. Мне нужно срочно вывезти все мои бумаги!..

Чемодан обнаружился на гардеробе. Толик стащил его вниз, вывалил прямо на пол все его тряпичные внутренности и стал сгружать в чемодан рукописи и перепечатки, грудями валявшиеся на письменном столе.

– Толик! – не выдержала тетя Вера. – Может, все-таки расскажешь, что там было?.. Я же весь день на валокордине!.. С тобой беседовали?..

– Беседовали, беседовали... – Толик продолжал лихорадочно заполнять чемодан бумагами. – Некогда рассказывать!.. Каждую минуту могут приехать с обыском!..

– Что за чушь? – сейчас тетя Вера являла собой образец рассудительности и спокойствия. – Сначала вызывать на допрос, а потом устраивать обыск?.. Обычно бывает наоборот!..

– Ну откуда тебе знать, как обычно бывает?.. – Толик раздражался все больше – переполненный чемодан не желал застегиваться. – Как будто ты полжизни провела в подполье!.. Твоя девичья фамилия не Засулич?..

– Я руководствуюсь элементарной логикой! – с достоинством ответила тетя Вера. – Если бы они хотели застать тебя врасплох, они бы тебя никуда не вызывали...

Наконец чемодан защелкнулся. Толик пристально посмотрел на него и вдруг кинулся к окну. Двор был пуст. Только на площадке, покрытой жухлой травой, древний старичок выгуливал пуделя...

– Ч-черт! – хрипло выдохнул Толик. – А если за мной слежка?.. Они же сцапают меня у подъезда!.. Нет, это надо спрятать где-то в доме...

– На чердаке! – твердо сказала тетя Вера. – Там, говорят, сыро и грязно. И воняет дерьмом. Нужно быть очень большим романтиком своей профессии, чтобы проводить обыск на нашем чердаке!..

В дверь аккуратно постучали, в комнату заглянула Эмма Григорьевна.

– Толечка! – Эмма Григорьевна смотрела на Толика преданными глазами. – Иван Васильевич просится в туалет. Вы не могли бы его проводить?.. Коля сегодня в дневную, так что вы у нас единственный мужчина...

* * *

...За долгие годы, прожитые в этой коммуналке, Толик отлично усвоил, что означает «проводить Ивана Васильевича в туалет». Это значило – взвалить грузного старика на себя и переть его до самого унитаза – у мужа Эммы Григорьевны вот уже несколько лет были парализованы ноги...

– Держите меня за шею, Иван Васильевич!.. – Толик расстегнул на старике ремень, спустил с него брюки и наконец водрузил его на унитаз. – Так, главное дело мы сделали... Ну а нюансы – это уж вы сами...

Выполнив эту милосердную, но малоприятную процедуру, Толик прикрыл за Иваном Васильевичем дверь и повернулся к Эмме Григорьевне.

– Эмма Григорьевна!.. Пять минут Иван Васильевич поразвлекает себя сам, а я на это время отлучусь, если позволите...

– Толечка, но вы уж обязательно... – заныла Эмма Григорьевна. – Сама-то я его не дотащу... Так что уж, пожалуйста...

– Не волнуйтесь, Эмма Григорьевна! – успокоил ее Толик. – Одна нога там, другая – здесь. Поспею как раз к самому финалу!..

* * *

Поднять чемодан на чердак вручную оказалось не таким уж простым делом. Промучившись минут пять, обозленный и раскрасневшийся Толик вспомнил наконец о веревке. Все-таки тетя Вера дает иногда вполне здравые советы...

На чердаке было сыро и неудобно... Под ногами хлюпало. В затхлом мраке что-то ворочалось и сопело... Кошки?.. Откуда здесь кошки?.. Тогда, может быть, привидения?.. Толик вздохнул и принялся за работу.

Он уже успел поднять чемодан примерно до середины чердачной лесенки, когда внизу, на площадке, негромко щелкнул дверной замок. Чемодан грузно шлепнулся на пол, Толик мгновенно подобрал веревку.

На лестничной площадке целовались двое. В паузах мужчина, басовитый, как шмель, гудел что-то нежное на ухо своей подруге, та отвечала ему задышающимся раскаленным шепотом. Из-за полупритворенной двери доносились музыка, хохот, громкие выкрики – шел апофеоз семейного праздника.

Толик сидел на чердаке и молча переживал. Ну спустились бы на этаж ниже, зачем им под самой дверью-то?.. Наконец то, чего он так опасался, случилось – двое целующихся заметили чемодан...

Через несколько секунд на лестничную площадку вывалилась вся вечеринка. Кто-то позвонил в дверь к соседям напротив. На площадке стало совсем темно. Чемодан валялся в центре толпы, беспомощный, как раненый кабан, не имеющий сил удрать от глумливых охотников. Разговоры шли в неприятном для Толика направлении...

– А что вы думаете?.. Очень может быть!.. В соседнем подъезде композитора обокрали. Причем среди бела дня!..

– Они сейчас шуруют в открытую!.. Под видом сантехников или электриков!..

– Нет, но зачем они приперли чемодан сюда, на верхний этаж?.. Приперли и бросили?!

– Может, их кто-нибудь спугнул?.. С чемоданом-то удирать несподручно!.. Или хотели спрятать на чердаке?..

Два десятка любопытных физиономий обратились к черному квадрату чердачного люка. Толик беззвучно прятнул в темноту. Теперь он не видел говорящих, а только слышал их голоса, но это никак не прибавляло ему спокойствия...

– А может, они на чердаке спрятались?.. Пережидают, пока мы уйдем? Мужчины, вы бы слазили, проверили!..

– Не надо, Сережа!.. Еще чего!.. А вдруг их там человек десять!.. Да еще вооруженные!..

– А может, это и не воры вовсе!.. Может, наоборот чего подкинули?.. Труп какой-нибудь или бомбу!..

– Ты уж скажешь!.. Ну все равно надо позвонить в милицию!.. Люб, отзвони в местное... По 02 не дозовонишься!..

Толику стало дурно. Он на секунду представил себе, что будет, если сюда и впрямь нагрянет милиция. Черт, как ни противно, а придется обнаруживаться!..

– Минуточку, товарищи! – Толик с проворством молодой белки пролетел по всем лестничным перекладинам. – Нет никаких причин для беспокойства!.. Это мой чемодан!.. Я живу на восьмом этаже!.. Шестьдесят четвертая квартира!..

Он попытался улыбнуться широкой и, как ему казалось, самой обезоруживающей из своих улыбок. Улыбка получилась мучительной и фальшивой. Так улыбались иностранные шпионы в отечественных детективах пятидесятых годов, когда их припирали к стенке доблестная советская разведка.

– Понимаете... Затеял вот ремонт на даче... Ну и собрал на чердаке всякий хлам... Пакля, доски, железки... Там ведь у нас чего только нет... И все валяется без пользы... Так что извините, что напугал!..

Толик рывком оторвал от пола свой неподъемный чемодан и, забыв про лифт, стал спускаться по лестнице. Далеко уйти ему не удалось – закон подлости сработал вторично. Шаркнув о стену, чемодан открылся, – и все оставшееся пространство лестницы заполнила шуршащая бумажная лава.

Жильцы молча наблюдали, как по лестничным ступенькам сползали последние запоздалые листки... Никто не пытался комментировать происходящее...

Толик с ненавистью взглянул на собравшихся и принялся запихивать бумаги обратно в чемодан...

* * *

...Эмма Григорьевна ждала Толика у входа в квартиру. Спекшееся личико ее не выразило ни малейшего удивления, когда она увидела Толика почему-то спускающимся сверху, да еще с гигантским чемоданом, но Толик понял, что этот парадокс никак не прошел мимо ее внимания.

Караулит, неприязненно подумал Толик. Господи, ну что за страна такая!.. Ни у кого никакой личной жизни, каждый стремится заполнить свою пустоту жизнью соседа!.. Всем до всех есть дело, и возникает иллюзия единения...

– Толечка, слава Богу!.. – заканючила Эмма Григорьевна. – А то я уже начала беспокоиться... Мы же с Иваном Васильевичем без вас, как без рук...

* * *

И снова Толик тащил на себе Ивана Васильевича – на сей раз из туалета в комнату. Тот обнимал его за шею и вертел головой по сторонам, как избалованный ребенок, привыкший к тому, что с ним обязаны возиться, и не обращающий на опекунов никакого внимания...

– Громадное вам спасибо, Толечка! – суежилась сзади Эмма Григорьевна. – Вы позволите обратиться к вам еще раз, если понадобится?.. А то у Ивана Васильевича понос... Уж и не знаю, чего он такого съел...

– Разумеется, Эмма Григорьевна!.. – рассеянно отвечал Толик. – Какие проблемы!.. Всегда к вашим услугам!..

– Мы ведь не сильно обременяем вас, правда?.. – Эмме Григорьевне не терпелось узаконить свои претензии на будущее. – В конце концов, вы человек умственного труда. Физические упражнения вам только на пользу!..

– Это правда! – не успев отдышаться, Толик снова вцепился в чемодан. – Я вам даже благодарен. Если бы у Ивана Васильевича не случился понос, мне бы грозила полная атрофия мышц!..

* * *

– Не получилось!.. – Толик впихнул чемодан в комнату и, не снимая плаща, рухнул на кровать. – Там, наверху, какая-то свадьба или проводы... Все выперлись на площадку и стали пялиться на чемодан... В общем, сорвалось!..

– Толик, а может, ничего страшного, а?.. – тетя Вера начала очередной сеанс своей наивной психотерапии. – Пусть все идет, как идет... Ну будет обыск... Насколько я понимаю, в твоих произведениях нет ничего такого... криминального, что ли...

– А откуда тебе это известно? – язвительно поинтересовался Толик. – Ты уже второй месяц мусолишь мой рассказ и все никак не можешь его дочитать!.. А вдруг я новый Радищев?..

– Ну ты же знаешь... – тетя Вера благоразумно отошла на оборонительные позиции. – У меня постоянное давление... Я не могу помногу читать... Глаза очень устают...

– А читать по ночам марксистские брошюры, – взвился Толик, – у тебя глаза не устают?.. Хочешь, я тебе скажу, что лежит у тебя под подушкой?.. Сказать?..

– «Антидюринг»... – конфузливо ответила тетя Вера. – Не забывай, что я всю жизнь проработала на кафедре марксизма-ленинизма. Это мой рабочий материал!..

– Но ты понимаешь... – Толик задыхался от сарказма. – Ты понимаешь, что человек, читающий по ночам Энгельса, подлежит срочной психиатрической экспертизе?.. Это же аномалия!..

– Толик! – голос тети Веры заметно окреп. – Ты сам всегда говорил, что человек свободен. Почему же тебе хочется, чтобы все думали так, как ты?! Ты веришь в одно, а я – в другое!..

– Это-то и ужасно!.. – закричал Толик. – Мы с тобой антиподы!.. До какого кошмара мы дожили, если родная тетка – мой политический антипод!..

* * *

...В телефонной будке Толик лихорадочно шарил по карманам, выгребая из них последнюю мелочь. Аппарат прилежно сглатывал монеты. По ту сторону провода напряженно молчали.

«Але! – надрывался в трубку Толик. – Кто это, Игорь или Лариса?.. Але, вы меня слышите?.. Ответьте же что-нибудь!.. Это Толик Парамонов!..»

Опять молчание. Слишком живое и выразительное для того, чтобы быть технической неисправностью. Толик беззвучно матерился, швырял трубку на рычаг и снова принимался искать очередную двушку.

«Але! – орал он через секунду. – Это Борис?.. А можно попросить Бориса?.. Скажите: Анатолий Парамонов!.. Ах его нет!.. А когда он будет?..»

Выдержав внушительную паузу, трубка ответила частыми гудками. Оставалась последняя двушка. Толик аккуратно вложил ее в прорезь аппарата и осторожно набрал номер.

«Але!.. Добрый день!.. Будьте любезны, Евпатия или Аглаю!.. Они на даче?.. А с кем я говорю?.. Соседка?.. Да нет, просто скажите, что звонил Парамонов!..»

Двушки кончились. Можно было бы, конечно, разменять пятаки, да что в этом толку!.. Толик оглянулся по сторонам. За мутным стеклом телефонной будки размыто, как на экране неисправного телевизора, двигалась безразличная толпа со смазанными лицами, текли ленивые потоки машин. Обычный тухлый московский пейзаж. Ничего такого, что могло бы смутить глаз или ухо. И все-таки Толик сжался от мгновенного и острого чувства опасности. Чувство это не покидало его весь последний день, но именно сейчас обострилось до предела. И вроде бы этот тип в польском плаще и с полиэтиленовой авоськой ничем не отличался от остальных мужичков, вяло топтавшихся у табачного киоска, но волчья интуиция Толика безошибочно выхватила из тысячи других прохожих именно этого невзрачного типа – слишком безразличный взгляд, слишком настороженный профиль. Следят, сволочи!..

Толик еще с полминуты оставался в будке, делая вид, что набирает очередной номер, – ему хотелось как следует запомнить внешность человека с авоськой, – а затем стремительно выскочил на улицу и ринулся в толпу...

* * *

...Он то замедлял шаг, то снова набирал скорость. Мало-помалу погоня начинала его забавлять. Спину покалывали мурашки, холодные и острые, как пузырьки в газировке, но Толик знал, что это не страх. Это было то веселое, дерзкое и куражливое состояние души, которое запомнилось ему еще со школьных времен, когда «замоскворецкие» ходили на «марьинорощинских».

Человек в польском плаще продолжал двигаться за ним, держа руку с авоськой чуть на отлете, точно в ней находилось нечто такое, что всякую секунду может взорваться...

* * *

...В троллейбусе они снова оказались рядом. При близком рассмотрении преследователь и впрямь оказался совсем бесцветным: блеклые глаза, рыжие реснички. Ну что ж, все правильно. ОНИ дело знают, таким и должен быть профессиональный филер.

Толик подобрался к преследователю совсем близко – пусть знает, козел, что я его рассекретил! – и принялся настырно сверлить его зрачками. Тот рассеянно отстранился, исподлобья взглянул на Толика, по лицу его скользнула тень не то удивления, не то смущения, не то досады – Толик победительно отфиксировал последнее! – и опять бездумно воззрился на бегущий за окном городской пейзаж...

* * *

...Толик выскочил из троллейбуса где-то в районе Кропоткинской. Некоторое время он шел не оглядываясь, наконец не выдержал и обернулся. Тип с авоськой, ничуть не скрываясь, следовал за ним.

В далекой диссидентской юности Толику попался в руки какой-то роман из жизни народовольцев. Революционеров Толик не любил, книжка ему активно не понравилась, но кое-какие полезные сведения он оттуда все-таки выудил. Ну, например, способы обнаружения слежки.

Сделав еще несколько шагов, он внезапно свернул в переулок и юркнул в дворовую арку. Двор был тупиковым. Толик прилично знал этот район – неподалеку находилась музыкальная школа, где он проучился целых два года.

* * *

...«Хвост» появился через несколько минут. Толик схватил его за лацканы плаща, рванул на себя и тут же прижал к стене. «Хвост» смотрел на него испуганными линиями глазами и не делал никаких попыток освободиться.

– Вот что, боец невидимого фронта!.. – Толика прямо распирало от собственной отваги. – Передай своим соколам, что я их не боюсь! У вас есть все – тюрьмы, лагеря, доносчики, а я вас не боюсь, понял?!

Толик еще раз тряхнул преследователя за плечи, словно желая убедиться, дошел ли до него смысл сказанного. Раздался странный звук – что-то хрустнуло и чавкнуло одновременно. Толик отшатнулся. На земле валялась полиэтиленовая авоська, полная разбитых яиц. Яичная лава неторопливо текла по Толиковым башмакам...

– Лида!.. – высоким голосом закричал «хвост». – Вызови милицию!.. Или позвони соседям!.. На меня какой-то придурок напал!.. Он меня аж от Никитских ворот пасет!..

Толик оглянулся. В окнах замелькали люди. Какая-то женщина истошно закричала. В подъезде захлопали двери. Кто-то невидимый, грохоча каблуками, уже сбегал по лестнице.

– Простите меня!.. – задушенно сказал Толик. – Это недоразумение... Я просто обознался... Вот десять рублей... К сожалению, у меня с собой больше нет... Это вам за яйца...

* * *

...Толик уже целую минуту барабанил в металлическую дверь. Как ни странно, именно перед этой дверью он стал понемногу успокаиваться. Здесь ему откроют, не могут не открыть. Просто мастерская находится далеко отсюда, в самой глубине подвала, – пока услышат стук, пока поднимутся по лестнице...

Наконец послышались шаги, заскрежетала отодвигаемая щеколда. На пороге стояла Аглая. Толик привычно потянулся для поцелуя, Аглая резко отстранилась. Это было отступление от традиции. Впрочем, для Толика это была уже не первая неприятная неожиданность за последние сутки.

Внизу, перед самым входом в мастерскую, Толик предпринял еще одну вялую попытку обнять Аглаю, но та была настороже и успела перехватить его руку:

– Не надо, Толик!.. Евпатий дома... Да вообще не надо... Скучно все это... Скучно и противно... Извини.

Да, привычный Толиков мир рушился на глазах. Что они, честное слово, с ума посходили, что ли?.. Неужели они всерьез допускают, что он, Толик, может стать предателем?..

Бородатый Евпатий в черном свитере, перепачканном краской, размашисто лупил кистью по холсту. Он не обернулся на вошедшего, но по его мгновенно напрягшейся спине Толик понял, что его приход не остался незамеченным.

В центре мастерской громоздился уродливый пандус, грубо задекорированный то ли под холм, то ли под лужайку. На пандусе, склонившись друг к другу, сидели две голые девицы в васильковых веночках.

– Здравсьте, прелестницы!.. – приподнято поздоровался Толик. – Вы сегодня кто?.. Няяды?.. Дриады?.. Сирены?.. Хотя какая разница?.. Все равно под кистью маэстро вы превратитесь в винегрет!..

– Это наши соседки! – предупредительно объяснила Аглая. – Студентки из Армавира: Таня и Оля. Они иногда позируют Евпатию. Не бесплатно, разумеется.

Толик подошел к Евпатию, подал ему руку, тот пожал ее, не отрывая глаз от холста. Да, ошибки быть не может. Кто-то им сообщил. Но что, собственно, могли сообщить, что? Что Толика вызывали? Но это еще не повод подозревать его черт-те в чем!..

– Не так страшен черт, как его Малевич!.. – Толик коротко хохотнул. – Ну скажи, старый похабник, на кой тебе обнаженная натура?.. То же самое ты мог бы нарисовать, глядя в потолок. Или в телевизор.

– Девочки! – Евпатий бросил кисть в ведро с растворителем. – Я думаю, на сегодня мы закончили. Насчет завтра договоримся отдельно. Аглая Ивановна вас предупредит.

Девицы неспешно напялили халаты, попрощались с Евпатием и Аглаей и, не удостоив Толика даже взглядом, чинно двинулись к выходу.

– Вот черт!.. – Толик никак не мог слезть с ернического тона. – Они ведь и вправду чувствуют себя жрицами искусства!.. Жаль не поинтересовался, как они умудряются сохранить в себе столько достоинства, будучи без трусов?..

– Ты сегодня слишком агрессивен, – бесцветным голосом сказала Аглая, – и очень плоско шутишь. Обычно ты остроумнее. Что-нибудь произошло?..

– Это я вас должен спросить, что произошло! – Толик пошел ва-банк. – Я целый день не могу ни до кого дозвониться. А про вас мне сказали, что вы на даче. Как это понять?..

– Видимо, кто-то пошутил, – пожал плечами Евпатий. – Мы никуда не уезжали. Аглая, правда, отлучалась на рынок. А я, как видишь, весь день работаю...

– Толик! – решила наконец Аглая. – Это хорошо, что ты пришел. Давай поставим точки над «i». Тебя ведь вызывали, правда?

– Правда, – чистосердечно ответил Толик. – Я и не скрываю. Я потому и звонил, что хотел вас предупредить. Но вы все разбежались по щелям, как тараканы...

– А ты знаешь, – неожиданно перебил его Евпатий, – что у Игоря с Ларисой, у Борьки и у нас были обыски?.. Сразу после того, как тебя вызывали?..

– Ты с ума сошел?.. – напрягся Толик. – Я-то тут при чем?.. Значит, кто-то навел!.. У них контора работает будь здоров!..

– Не нервничай, Толик! – устало сказала Аглая. – Тут все нервные. Просто, раз уж ты здесь, хочется понять, что же все-таки происходит...

– Да они все знали! – закричал Толик. – Они даже знали, откуда у нас ксерокс!.. Но я не сказал им ни единого слова, клянусь!..

– Ты только кивал, – тихо произнес Евпатий. – Они спрашивали, а ты говорил: да или нет. Ну тогда, разумеется, ты ни в чем не виноват!..

– Но есть же элементарный здравый смысл! – взорвался Толик. – Если тебе показывают на небо и говорят: оно синее, не так ли?.. Что ты им ответишь?.. Что оно зеленое?..

– Убийственный аргумент! – печально усмехнулась Аглая. – Ты же неглупый человек, Толик. Согласись, в твоих доводах есть некоторая двусмысленность...

– Двусмысленность?! – Толик кинулся в дальний угол мастерской и резко откинул холщовую занавеску... Тусклым гляncем замерцали ордена и звезды на груди генсека... Государственно насупив брови, глядели с холстов Косыгин, Суслов, Громыко... – А это не двусмысленность?! Одной рукой малевать авангард и толкать его за доллары, а другой – выполнять партийные заказы для красных уголков?.. Или, может быть, это одна из форм конспирации?.. В таком случае, позвольте вас огорчить, дорогие мои карбонарии, никому-

то вы не опасны и не интересны!.. Те, кто представлял для них интерес, – те давно уже в лагерях!.. А вы для них – так, чайники со свистком!..

– Замолчи! – с нажимом сказала Аглая. – Ты и так наговорил достаточно мерзостей. И не смей задевать Евпатия. Он, в отличие от тебя, не трус!

– Да, я плохой! – снова взвился Толик. – А вы с Евпатием святые!.. Ты вообще образец добродетели!.. Может, расскажешь мужу, как ты поддерживаешь честь семьи в его отсутствие?.. Надеюсь, Евпатий поверит тебе на слово и не заставит меня перечислять все твои тайные родинки!.. Ну смелей, Аглая!.. Чего вам бояться, раз вы такие храбрые!..

Евпатий грузно опустил на стул и не мигая смотрел на Толика. Аглая закрыла лицо руками и прислонилась к двери, чтобы не упасть. Толик понял, что произошло что-то страшное и непоправимое, может быть, гораздо более страшное, чем смерть... У него перехватило горло, и он заплакал...

* * *

...Домой Толик вернулся затемно. Коммуналка давно отужинала, все притихло к телевизору. Только чуткое ухо Эммы Григорьевны отреагировало на слабый щелчок замка, и она тут же высунула из комнаты свое острое любознательное рыльце.

– Толечка!.. Какое счастье, что вы пришли!.. Иван Васильевич страдает, но терпит... Я пыталась подсунуть ему утку, но он отказался... На унитаже он чувствует себя более комфортно.

– Естественно! – хмуро согласился Толик. – Унитаз возвышает человека. Особенно финский. Тут Иван Васильевич абсолютно прав!..

Тем не менее операцию по очередному водружению Ивана Васильевича на унитаз Толик на сей раз проделал быстро, деловито и безапелляционно, нисколько не принимая в расчет тонкую душевную организацию своего подопечного.

– Кстати, Толечка!.. – Эмма Григорьевна желала быть ответно полезной. – Вера Николаевна просила передать, что она у соседки напротив. И что голубцы на плите в синенькой кастрюльке!..

* * *

...Оказавшись у себя в комнате, Толик открыл холодильник, достал оттуда початую бутылку водки и сделал несколько крупных глотков прямо из горлышка...

Затем вынул из кармана моток веревки... Это была та самая веревка, с помощью которой он давеча пытался затащить на чердак свой чемодан... Толик смотрел на нее напряженно и пристально, точно пытаясь сообразить, что же, собственно, с ней делать...

После сомнений, колебаний и путаных внутренних монологов у Толика всегда наступала минута ясного и спокойного прозрения: все равно ничего уже нельзя изменить. И тогда появлялось чувство легкости и свободы.

Появилось оно и теперь. Толик как бы наблюдал себя со стороны: вот он накидывает веревку на крюк от люстры, вот связывает петлю и надевает ее себе на шею, вот пробует ногами стол – удастся ли опрокинуть его одним толчком...

В какой-то момент ему вдруг показалось, что это не он, Толик, наблюдает за собой, а кто-то другой, реальный и осязаемый, находящийся здесь же, в этой комнате...

Чьи-то глаза, полные муки и ужаса, следили за каждым Толиковым движением и умоляли, заклинали его остановиться...

Толик обернулся. В широко распахнутом дверном проеме медленно, как в рапидной съемке, оседала на пол тетя Вера. Рот ее был исковеркан криком, но крика не было слышно...

Толик сорвал с себя петлю и закинул веревку в плафон.

* * *

...Вокруг тети Веры гомонили переполошенные соседи. Кто-то обмахивал ее полотенцем, кто-то капал на сахар валокордин.

– Да какая вам разница, с какого она года?.. – кричала в трубку разъяренная Нина. – Говорят же вам, сердечный приступ!.. Что это за «скорая» такая, которая полчаса выясняет, как кого зовут и кто чей родственник?!

Тетя Вера смотрела Толику прямо в глаза и беззвучно двигала посеревшими губами. Толик наклонился к ней совсем близко, пытаясь по артикуляции угадать хотя бы отдельные слова...

– Как ты мог... – шептала тетя Вера. – У меня же никого, кроме тебя, нет... Я только для тебя и живу... А ты меня предал...

– Тетя Вера, дорогая... – Толик прижался губами к теткинemu виску. – Я тебя тоже очень люблю... Это была глупая шутка... Забудь про это...

* * *

...«Скорая», взметая грязные веера дождевой воды, неслась по ночному городу. Нечастые в такую пору автомобили опасливо жались к обочине, пропуская вперед эту замызганную вестницу то ли беды, то ли надежды...

...Толик держал тетю Веру за руку и твердил про себя, как молитву: открой глаза!.., открой глаза!.., открой глаза!.. Так ему было спокойней. Точно услышав Толикову просьбу, тетя Вера чуть разомкнула веки. Разомкнула и тут же сомкнула снова, давая Толику понять, что хочет что-то сказать. Толик придвинулся ближе...

– На книжной полке... – непослушными губами прошептала тетя Вера. – Между Чеховым и Плехановым... восемьсот рублей... я из пенсии откладывала... возьми себе...

– Ты о чем, тетя Вер?.. – отшатнулся Толик. – С ума сошла?.. Вот выйдешь из больницы – мы их на радостях и прогуляем!.. А о плохом и думать не смей!..

* * *

...Сыпал мелкий, холодный, кусачий дождь. Люди сбивались в кучки под немногочисленные зонты. Рядом хоронили еще кого-то. Хоронили со вкусом, с толком, с расстановкой. Там было пестро от цветов, гудел оркестр, говорили речи.

У могилы тети Веры ничего похожего не было. И вообще пришедших на похороны было немного. В основном соседи. И еще несколько старушек, которых никто не знал. Топталась еще группа студентов – те держались особняком.

Толик встал на колени, наклонился над сырым могильным холмиком и сказал прямо туда, в темную, плотную, непроницаемую глубину: «Прости меня, тетя Вера!..»

Лицо его засборило морщинами, стало похожим на печеную сливу, и он заплакал. Кажется, только сейчас он осознал, что вот этот аккуратный продолговатый холмик – это все, что осталось от тети Веры...

– Толик! – соседка Нина потрясла его за плечо. – Хватит, не глупи!.. Земля же холодная, мокрая... Застудишь все свои дела!.. Вставай!..

* * *

...Поминки получились более чем скромные. Все тети Верины сбережения ушли на похоронные хлопоты, так что поминальный стол соседи устраивали вскладчину. Застольная беседа никак не залаживалась – все говорили скучно и тягуче, словно по принуждению.

– И что в ней было хорошо, – разглагольствовал пьяненький сосед Коля, вечно отсутствующий Нинин муж, – не кичилась образованием!.. С рабочими людьми говорила запросто!.. Вот я человек темный, неученый, а она мне: здравствуй, Коля!..

– Что же ей, не здороваться с тобой, что ли?.. – Нина явно стеснялась незамысловатых Колиных сентенций. – Ясное дело, раз встретились – здравствуй, Коля!.. Чего тут особенного?..

– Не скажи!.. – упрямылся Коля. – Другая прошла бы мимо, а она – здравствуй, Коля!.. По-родственному, по-соседски!.. Кто я для нее?.. Мудак с напильником!.. А она – здравствуй, Коля!..

– Будет тебе балабонить-то!.. – устыдила мужа Нина. – Ты ж не в пивнушке!.. Господи, как зальет zenки, так и несет незнамо что!..

– Святая душа была Вера Николаевна!.. – вздохнула Эмма Григорьевна. – И редкой интеллигентности!.. Спички попросит, так сто раз «спасибо» скажет!.. Таких людей сейчас нет!.. Сейчас куда ни глянь – одни хабалки!..

– Хужает народ!.. – согласилась Зинаида Михайловна. – Особенно молодые!.. Давеча на лестнице нагадили!.. Не к столу будет сказано, вот такую кучу навалили!.. Не перепрыгнешь!.. А если бы лифт сломался?..

– Был человек и нету!.. – Коля продолжал разрабатывать излюбленную тему. – И всем наплевать!.. Даже по радио не объявили!.. А ведь какая женщина была!..

– Последнюю пьешь! – тихо предупредила Нина. – И не зыркай на меня!.. Сказала последнюю, значит, последнюю!..

Толик сидел за столом, безучастный ко всем разговорам, тупо уставившись в пустую тарелку. Он вспоминал о своих хозяйских обязанностях только тогда, когда наступала пора в очередной раз наполнить рюмки...

Паузы становились все чаще и продолжительней. В одну из них ворвался телефонный звонок. Все оживились, завздохали, заскрипели стульями, будто в середине долгого и нудного совещания был объявлен неожиданный перекур.

Зинаида Михайловна, сидевшая ближе всех к двери, выскочила в коридор. Через секунду она вернулась и сообщила почему-то шепотом: «Толик, это вас!..»

* * *

...Толик не ждал от звонка ничего хорошего. Он знал, что никто из знакомых ему не позвонит, за последние дни его ни разу не позвали к телефону. А чужие...

В трубке зарокотал незнакомый басок. Собеседник говорил быстро, напористо и почти без пауз. Толик не верил своим ушам. Он по несколько раз переспрашивал одно и то же, желая убедиться, что его не разыгрывают, но незнакомец, похоже, не любил, когда ему задавали вопросы, он привык задавать их сам...

– Да, Парамонов!.. – Толик пытался говорить как можно более безразлично. – А кто это говорит?.. Как это неважно?.. Нет, не передумал!.. Что значит, оформляйтесь?.. Простите, а с кем я разговариваю?..

* * *

...Гости давно уже болтали о своем. Приглашенный было костерок беседы теперь полыхал вовсю. С появлением Толика все резко посерьезнели и потянулись к рюмкам...

— Черт знает что!.. — растерянно улыбаясь, сказал Толик. — Мне разрешили выезд... Если это, конечно, не чья-то шутка... Но я записал телефоны, можно проверить...

Гости молча косились друг на друга, не зная, как реагировать на это сообщение. Все знали, что Толик ждал этого события три года. Но слишком уж не вязалась его дурацкая улыбка с печальным поводом, собравшим всех за этим столом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.